Субъективное право в постклассической юридической науке

Честнов Илья Львович

профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ; ilchestnov@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Автор статьи формулирует содержание и признаки субъективного права в контексте постклассической юридической науки. Постклассическая юриспруденция предполагает переосмысление объективности права. Поэтому объективное и субъективное право взаимодополняют друг друга. Содержание субъективного права образуют правовые действия людей, результаты действий и психические процессы, опосредующие эти действия.

Ключевые слова: субъективное право, постклассическая юридическая наука, действие права, правовые фреймы и скрипты

Subjective Right in the Post-Classical Legal Science

Ilya L. Chestnov

Professor of Chair of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute of (branch) of the University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Jurist of the Russian Federation; ilchestnov@yandex.ru

ABSTRACT

The writer formulates the content and characteristics of a subjective right in post-classical legal science context. Post-classical jurisprudence develop rethinking the objectivity of law. Therefore, objective and subjective law complement each other. The content of subjective law is formed by the legal actions of people, the results of actions and mental processes that mediate these actions.

Keywords: subjective right, post-classical legal science, legal action, legal frames and scripts

Постклассическая юридическая наука предполагает переосмысление основных правовых явлений с позиций новой картины мира. Это касается в том числе иного прочтения субъективного права во взаимосвязи с объективностью права. Объективность как независимость социальных явлений и процессов проблематизируется человеческим его содержанием и социокультурным контекстом, в котором существует право. Трактовка права как неких платоновских эйдосов или «природы вещей» — это эссенциализм или вульгарный натурализм, реифицирующий правовую реальность. Сегодня такой подход преодолевается признанием интерсубъективности социального мира и права в том числе. Право существует только в том случае, в каком оно сконструировано людьми (хотя и не по своему произволу, а с учетом внешних социальных и природных факторов или обстоятельств). Далее — право существует, только если оно (как совокупность правил поведения) зафиксировано в знаковой форме, хотя бы в форме обычая или традиции, мифа или ритуала. Важно также то, что существование права предполагает воспроизводство соответствующих правил поведения ментальными и поведенческими практиками широких слоев населения. Таким образом, человекоцентризм, сконструированность, знаковая опосредованность, социокультурная контекстуальность и практическая воспроизводимость — вот главные характеристики, отличающие постклассическое представление о праве.

Особо важную роль в постклассической концепции права играет субъективное право, находящееся в диалогическом отношении с объективным правом. Постклассическая юридическая методология не отрицает, а переосмысливает объективное право. Последнее не существует без или вне взаимосвязи с субъективном правом. Это связано с тем, что социальный мир, включая мир права, — это не люди, действия, результаты действий и предметы (вещи), опосредующие действия людей, а значения и смыслы, приписываемые людьми своим действиям, самим себе, результатам действий и предметам. Тем самым внешнее как «объективное» или «материальное» («объективная сторона» правомерного или противоправного поведения) дополняется внутренним, психическим или ментальным аспектом бытия права («субъективной стороной»). Важно при этом то, что именно психический аспект мотивирует человека на совершение какого-либо действия, выступая его «причиной»[1] в соответствующем социокультурном контексте.

[1] Полагаю, что причин в прямом, буквальном смысле слова или «механической причинности» в социальном мире не существует. Обусловливание поведения осуществляют психические или ментальные явления и процессы: цель, интересы, потребности, мотивы.

Субъективное право с позиций постклассической юридической науки — это реализация объективного права, реализация деонтических возможностей (того, что разрешено, обязательно или запрещено) в юридически значимом поведении. Одновременно субъективное право — это процесс осмысления ситуации с позиций личностной мотивации (психического комплекса, включающего интериоризацию ценностей, цель, интересы, потребности, мотив).

Важность исследования субъективного права состоит в том, что только через субъективную сторону юридического (юридически значимых практик) внешние «объективные» факторы влияют на право. Как именно? Это и призвана эксплицировать новая — постклассическая — теория субъективного права. Ко всему прочему, она же ориентирована на прояснение того, как действует право.

Право само по себе не «действует». В нашем, надеюсь, лучшем из миров, действуют только люди. В этом смысле субъектом права в эмпирической правовой реальности всегда является человек. В одних случаях (юридически значимых ситуациях) он действует от своего личного имени и представляет себя лично; в таком случае юридически он считается физическим лицом. В других случаях конкретный индивид действует от имени и по поручению должности; тогда юридически он именуется должностным лицом. Иногда человек действует (как правило, вступает в правоотношения) от имени коллективного субъекта; формально юридически, с позиций классической догматики права, это означает, что юридическое действие совершает коллективный субъект, хотя фактически — человек «из плоти и крови».

«Действие» права в таком случае представляет собой соотнесение личностных экспектаций (ожиданий) и поведения конкретного человека — носителя статуса субъекта права с информацией, сформулированной в норме права. Исходя из такой перспективы анализа субъективного права, структуру последнего образуют: люди — носители статуса субъектов права, их взаимодействия, результат, психическое опосредование, включающее мотивацию акторов, осмысление и оценку взаимодействия и результата акторами и наблюдателем с позиций господствующих юридических значений — правовых социальных представлений. В этом смысле интересны и перспективны размышления по данному поводу представителей инструментальной теории частного права Б. И. Пугинского и С. Ю. Филипповой.

С классической, традиционной точки зрения субъективное право определяется как мера юридической свободы лица. При этом такая мера свободы включает:

1) право как меру возможного поведения субъекта;
2) право как возможность требовать определенных действий (бездействия) обязанного субъекта.

Одновременно имеется в виду «не просто определенная мера или возможность, но юридическая возможность, т. е. возможность, обеспеченная принудительной силой государства»[2]. Такой подход исходит из сугубо догматического, формального подхода к трактовке правоотношения, когда последнее рассматривается как «прием научного мышления». «Правоотношение — это идеальная (умозрительная, мыслимая) “связка” из прав и обязанностей, представляющая собою отражение в зеркале правовых норм конкретных фактических отношений. Фактическое общественное отношение представляет собой объективно существующую связь (например, экономическую) между людьми, которая проявляется в тех или других поступках (действиях). С некоторыми из этих поступков право связывает возникновение прав и обязанностей. Права и обязанности являются идеальными категориями. Они недоступны человеческому восприятию с помощью органов чувств. Тем не менее в их объективном существовании сомневаться не приходится: независимо от того, воспринимают их люди или нет, конкретное лицо обладает определенной возможностью, обеспеченной принудительной силой государства, т. е. субъективным правом. Точно так же существуют и обязанности, вне зависимости от осознания этого факта людьми. А вот правоотношения не существуют — они только мыслятся. Мыслить субъективное право вместе (в единстве, в связи) со средством своего обеспечения (как правило — юридической обязанностью), т. е. в рамках единой системы, которая и получает наименование правоотношения, просто удобно; именно этим удобством в конечном счете предопределяется использование понятия о правоотношении в научном обороте, да и в практической деятельности юриста»[3].

При таком подходе правоотношение лишается статуса фактического бытия (существования), о чем прямо провозглашается его авторами. Юридическое в таком случае — это некая модель

[2] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт-Издат. 2007. С. 217.

[3] Указ. соч. С. 210–211.

фактического общественного отношения, мыслительная конструкция, удобная в использовании[4]. Чем же такая модель-правоотношение отличается от модели-нормы права? Более того, субъективно право как «определенная возможность», «существующая объективно независимо от того, воспринимают их люди или нет», — это и есть объективное право! Получается, что субъективное право — это некая разновидность или сторона объективного права?

Полагаю, что гораздо более перспективным является социологический, а не формально-юридический (догматический) подход[5] к анализу и субъективного права, и правоотношения. Правоотношение в социологии права это не модель общественного отношения (последнее необходимо трактовать как конкретные интеракции двух и более людей — акторов), а само фактическое взаимодействие, обладающее юридической значимостью. Его «материальность» выражается в конкретных поведенческих актах и их результатах, сопровождаемых психическими процессами[6]. Модель общественного отношения находится в норме права, которая реализуется в правоотношении и / или простых формах реализации права — соблюдения, исполнения или использования (в зависимости от деонтической модальности соответствующей нормы права, запрещающей, обязывающей или разрешающей определенное поведение). Субъективное право в таком случае это не просто потенциальная возможность, сформулированная в нормативном правовом акте или декларации, закрепляющей права человека, а фактическая реализация этой возможности или меры свободы.

Приблизительно в таком ключе подходит к данному вопросу С. Ю. Филиппова, активно разрабатывавшая инструментальный подход (я бы сказал — социолого-инструментальный) в частном праве. Она исходит из того, что «правовая деятельность есть лишь момент общей человеческой деятельности, единой в своей целостности и смысле. Это вызвано тем, что в реальной жизни правовая деятельность не представляет собой какую-то особую деятельность, отличную от иных видов человеческой активности. ...На наш взгляд, невозможно помыслить самостоятельной, отдельной от правовой, деятельности человека. В каждом действии сосуществует право и ‹›не-право››, т. е. как юридический, так и неюридический аспект»[7]. Правовая деятельность в инструментальном подходе представляет собой «воплощение правовых средств в движении к достижению правовой цели». Признаками правовой деятельности, по мнению С. Ю. Филипповой, является: «1) взаимосвязь (взаимозависимость) субъекта и объекта деятельности. Отношения субъекта и объекта представляют собой единую, целостную систему; 2) правовая деятельность, как и любая деятельность, состоит в движении, изменении. Это значит, что действия субъекта представляют собой деятельность только при появлении во внешнем для субъекта мире определенных изменений; 3) целесообразность деятельности — цель и направление деятельности формируется человеком — субъектом деятельности исходя из понимания им окружающего мира; 4) субъектом правовой деятельности может быть только человек, поскольку только он может осознать свою самостоятельность по отношению ко всему остальному миру, поставить цель и выработать путь движения к ней. ... 5) правовая деятельность представляет собой систему»[8].

Важным в рассматриваемом подходе представляется анализ процесса целеполагания, включающий: «1) возникновение потребности; 2) осознание потребности (по нашему мнению, этот этап можно назвать возникновением интереса); 3) появление (постановка) цели»[9]. Почему это важный момент? Потому что, как справедливо замечает С. Ю. Филиппова, «если люди, вместе с их интересами и целями, исключены из сферы права, то вполне понятна неспособность юриспруденции признавать за ними возможность ‘’творить право’’. Это представляется ненужным, поскольку государству известны все людские потребности (в очищенном, обобщенном и препарированном виде), а потому только оно, в силу своего статуса может создать наилучшие модели. ...Вербальное выражение пожеланий законодателя лишь тогда повлияет на поведение субъектов, когда они сами, своим поведенческим и мыслительным актом включат соответствующие средства в собственную деятельность по постановке и достижению правовых целей»[10].

---

[4] Чем-то это напоминает постмодернизм (о чем, скорее всего, авторы излагаемой точки зрения и не подозревают) — например, прагматизм Р. Рорти или симулякр Ж. Бодрийяра.

[5] Такой подход, конечно, также имеет право на существование, однако, как минимум, он должен быть дополнен социологическим для полноты картины субъективного права.

[6] Не всегда осознанными, но всегда ментальными, психическими.

[7] Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М. : Статут, 2013. С. 184–185.

[8] Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 181–182.

[9] При этом мотивация, по мнению С. Ю. Филипповой, относится к осознанию потребности. (См.: Указ. соч. С. 42–43).

[10] Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 180, 119.

Полагаю, что данный подход может быть развит и уточнен акцентом на психические процессы восприятия, категоризации и оценки (юридической квалификации) поведенческого аспекта субъективного права, а также анализа того, как именно происходит взаимообусловленность внешних социальных явлений и субъективного права. Восприятие юридически значимой ситуации осуществляется через ее соотнесение с имеющимися в правосознании индивида схемами — фреймами и скриптами, сценариями, образующими содержание типичных моделей такого рода ситуаций. Одновременно с восприятием производится процесс категоризации или типизации — подведение воспринимаемого под представление индивида о типичной («нормальной») ситуации и поведении в ней. Это же с юридической точки зрения включает процесс квалификации, который в социологической перспективе может быть описан как соотнесение собственного наблюдения с позицией социально значимого («нормативного») Другого — с позицией предполагаемого внешнего наблюдателя.

«Фрейм — это такая когнитивная структура в феноменологическом поле человека, — полагает известный исследователь дискурс-анализа М. Л. Макаров, — которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов. По своей структуре фрейм состоит из вершины (темы), т. е. макропропозиции, и слотов или терминалов, заполняемых пропозициями. Эта когнитивная структура организована вокруг какого-либо концепта, но в отличие от тривиального набора ассоциаций такие единицы содержат лишь самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с данным концептом»[11].

«Сценарий или, по-другому, сценарный фрейм содержит стандартную последовательность событий, обусловленную некой рекуррентной ситуацией. Сценарии организуют поведение и его интерпретацию. Для сценариев характерны ситуативная привязанность и конвенциональность. Как фрейм, так и сценарий необходимо трактовать в терминах памяти. Это не только информационные структуры, они сообщают о результатах, конечных состояниях, по которым и запоминаются нам, поскольку это механизмы, объясняющие достижение понимания с использованием накопленного ранее знания, а предварительное знание и есть тот тип информации, который хранится в памяти.

Самое замечательное в этом нашем рассуждении заключается в том, что в ‹›готовом виде›› сценарии в памяти вообще-то не хранятся. Применение сценария к анализу дискурса — это реконструкции, что мы сами строим сценарии по мере того, как в этом возникает необходимость, в процессе восприятия речи, чтобы осуществить интерпретацию дискурса, используя накопленный ранее опыт и информацию, размещенную на разных уровнях памяти»[12].

Через эти сценарии (фреймы и скрипты) происходит интериоризация социальных представлений о внешних факторах, задающих контекст правовой ситуации, и о том, как ее оценивает социально значимый Другой (как она юридически квалифицируется). Одновременно социальные юридические значения приобретают индивидуальный смысл при их соотнесении с личностной мотивацией и экспектациями — ожиданиями «нормального» поведения от контрагента в данной конкретной ситуации.

Вышеизложенное, как представляется, наглядно свидетельствует о необходимости дальнейших исследований субъективного права. При этом наиболее перспективным подходом к изучению субъективного права на сегодняшний день является постклассическая методология права.

Литература

1. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт-Издат. 2007. 993 с.
2. Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М : Статут, 2013. 350 с.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.

References

1. Civil Law: Actual Problems of Theory and Practice [Grazhdanskoye pravo: aktual'nyye problemy teorii i praktiki] / Ed. V. A. Belova. M. : Yurayt-Izdat, 2007. 993 p. (In rus)
2. *Filippova S. Yu.* Instrumental Approach in the Science of Private Law [Instrumental'nyy podkhod v nauke chastnogo prava]. M. : Statute [Statut], 2013. 350 p. (In rus)
3. *Makarov M. L.* Fundamentals of the Theory of Discourse [Osnovy teorii diskursa]. M. : Gnosis [Gnozis], 2003. 280 p. (In rus)

[11] Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. С. 153.
[12] Макаров М. Л. Указ. соч. С. 154–155.